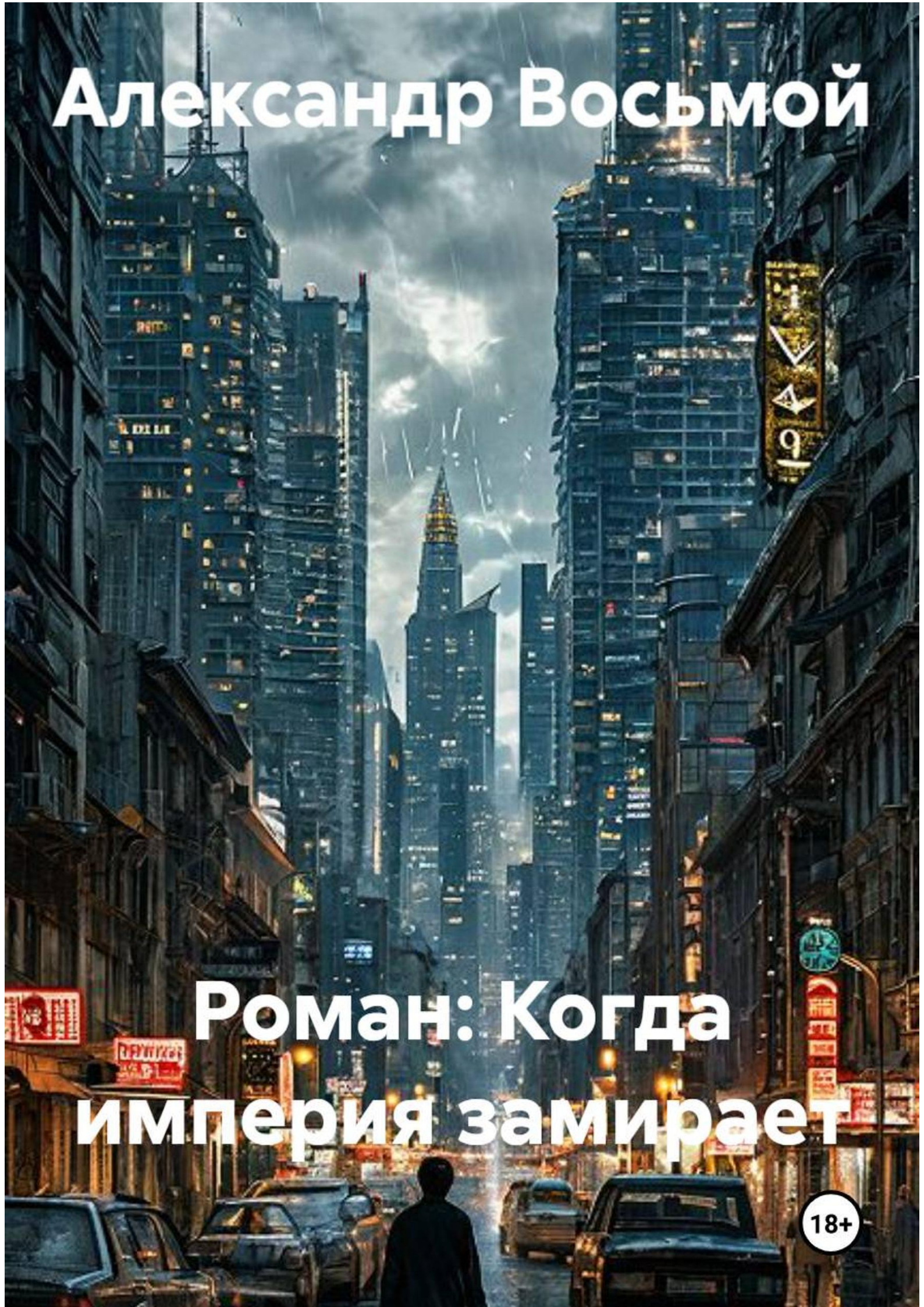

Александр Восьмой

Роман: Когда
империя замирает

18+

Александр Восьмой

Роман: Когда империя замирает

«Автор»

2026

Восьмой А.

Роман: Когда империя замирает / А. Восьмой — «Автор», 2026

В мегаполисеулье, где власть измеряется масштабом разрушений, а судьбы миллионов зависят от холодного расчёта одного человека, сталкиваются два мира. Оптима — наследник династии, чья тень ложится на кварталы, привык повелевать и не знать сомнений. Наталия Новикова — учительница на окраине, где небо скрыто за нагромождением уровней, а её оружие — вера в искру в каждом ученике. Случайная встреча под ливнем запускает цепь событий: его попытки перекроить её мир и её умение видеть в нём человека сплетаются в опасную дуэль чувств. Над городом сгущается буря заговоров, империя трещит по швам, а ставки становятся выше жизни. Смогут ли они сохранить любовь там, где система создана, чтобы ломать любые чувства?

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Роман: Когда империя замирает

Глава 1. «Ливень стирает границы»

Ливень хлестал по городу так, будто хотел смыть с него всю его броню — все эти наслоения уровней, стальные каркасы, бесконечные переходы, по которым люди бежали, не поднимая глаз. Вода стекала по вертикалям мегаполиса-улья, превращая улицы в узкие каньоны, где эхо сирен смешивалось с грохотом падающих капель. Транспортные магистрали встали: авария на северном узле обрушила потоки, и город, привыкший к ритму движения, вдруг замер в судорожном ожидании.

Оптимист стоял под козырьком полуразрушенной арки, стряхивая воду с плаща. Его охрана рассыпалась по переулкам, пытаясь найти обходной маршрут, но он отослал их прочь — сегодня ему хотелось остаться наедине с этим хаосом. Здесь, в заброшенном секторе, даже воздух был другим: густым, пахнущим мокрым бетоном, пылью и чем-то забытым, что пряталось между старых стен.

Он толкнул тяжёлую дверь школы — ту самую, что скрипела, как старая тайна. Внутри пахло мелом, старыми учебниками и тишиной, которую редко встретишь в империи. Коридор был полутёмным, свет пробивался сквозь узкие окна под потолком, рисуя на полу дрожащие полосы. И в этой тишине звучал голос — тёплый, упрямый, будто не признававший, что мир стал серым.

— И запомните: даже если небо закрыто сталью, это не значит, что его нет, — говорила женщина у открытой двери класса. — Оно просто ждёт, когда кто-нибудь поднимет голову.

Оптимист замер, прислушиваясь. Голос не приказывал, не давил, не требовал подчинения — он предлагал выбор. В его мире слова были инструментами власти, рычагами давления, контрактами, которые подписывали кровью интересов. Здесь же слова летели легко, как будто могли удержать кого-то от падения.

Наталия Новикова стояла перед несколькими детьми, которые жались к партам, стараясь не промочить тетради. Её волосы, собранные в небрежный пучок, потемнели от влаги, а на рукаве старого свитера виднелось пятно мела. Она не смотрела на дверь, не ждала гостей — она говорила с теми, кто её слышал.

— А если мы его не увидим, оно всё равно будет там? — спросил мальчик, кутаясь в куртку.

— Да, — улыбнулась Наталия. — Как надежда. Ты можешь её не видеть, но она греет пальцы, когда они совсем замёрзли.

Оптимист сделал шаг вперёд, и половица скрипнула. Наталия резко обернулась, и в её взгляде мелькнуло то, к чему он не привык: не страх, не подобострастие, не расчётливое любопытство — а простое, человеческое внимание. Как будто перед ней стоял не наследник династии, чьё имя заставляло дрожать целые кварталы, а просто человек, промокший под дождём.

— Вы заблудились? — спросила она, чуть нахмурившись, но без враждебности. — Или ищите кого-то?

Он хотел ответить привычным тоном — коротким, властным, не терпящим возражений. Но слова застряли в горле, столкнувшись с этой обыденной прямоотой.

— Я... искал укрытие, — произнёс он наконец, и собственный голос показался ему чужим — слишком тихим для того, кто привык, чтобы его слышали на расстоянии километров.

Наталия кивнула, будто это было самым естественным объяснением в мире.

— Тогда снимите плащ, чтобы не капало. У нас тут и так сырость, а полы старые — разбухнут, и тогда точно никто не выйдет.

Она протянула ему стопку бумажных полотенец — обычных, дешёвых, из тех, что выдают в школах на окраинах. Он взял их, чувствуя, как нелепо выглядит: человек, который мог купить весь этот сектор, стоит и вытирает воду с рукавов, как школьник после драки.

Дети смотрели на него с любопытством, но без страха — видимо, привыкли к неожиданным гостям. Один из них тихо шепнул соседу: «Наверное, папа кого-то из ребят». И в этом предположении было столько нормальной, будничной логики, что Оптима едва не улыбнулся.

— Спасибо, — сказал он, наконец справившись с плащом и повесив его на спинку стула. — Я не хотел мешать.

Наталия пожала плечами.

— Мешать можно, только если заставляешь молчать. А вы пока ничего не сказали.

В её словах не было вызова — просто констатация факта, которая ударила сильнее любого упрёка. Он привык к тому, что его молчание воспринимали как знак надвигающейся бури. Здесь же тишина была просто тишиной.

За окном гроза набирала силу: молнии рассекали небо, отражаясь в мокрых стенах, а ветер швырял струи воды в узкие щели окон. В классе стало темнее, и Наталия зажгла керосиновую лампу — старый, почти забытый предмет, который в центре города считался антиквариатом. Тёплый, дрожащий свет лёг на её лицо, подчёркивая тонкие линии усталости и упрямства.

— Вы не из наших, — сказала она вдруг, не глядя на него, а проверяя, не промокли ли тетради. — У нас тут редко бывают... такие.

— Какие?

— Те, кто не спешит.

Оптима задумался. В его мире спешка была нормой: каждая секунда стоила контрактов, а каждый час — судеб. Здесь же время текло иначе, будто город на окраине позволял себе роскошь дышать.

— Сегодня я могу себе это позволить, — ответил он, сам удивляясь, насколько правдиво это звучало.

Наталия подняла на него глаза, и в них мелькнуло что-то, похожее на понимание.

— Тогда можете помочь. Там, в шкафу, есть коробки с сухими носками. Дети промокли, пока шли. Если разнесёте — будет помощь, а не просто укрытие.

Он кивнул и пошёл к шкафу, чувствуя, как абсурдность ситуации смешивается с чем-то давно забытым — с ощущением, что он делает что-то настоящее. Пока он раздавал носки, дети болтали, Наталия тихо подбадривала их, а за окном город продолжал стонать под ударами грозы.

Когда всё улеглось, и дети разошлись по домам, прикрываясь старыми куртками и пакетами, в коридоре остались только они двое. Тишина стала густой, почти осязаемой.

— Вы хороший учитель, — сказал Оптима, нарушая её первым.

Наталия усмехнулась.

— Хороший учитель — тот, кто заставляет верить, что мир больше, чем кажется. Даже если это неправда.

— А если правда?

Она посмотрела на него внимательно, будто пыталась разглядеть что-то за фасадом мокрой одежды и сдержанных манер.

— Тогда это самое опасное, что можно дать ребёнку. Потому что, поверив, он захочет изменить этот мир. А мир не любит, когда его трогают.

Её слова повисли в воздухе, тяжёлые и точные, как приговор. Оптима знал это лучше, чем кто-либо: мир действительно не любил, когда его трогали. Особенно те, кто стоял наверху.

Они стояли друг напротив друга, и между ними искрило напряжение — не от грозы, а от того, как по-разному они видели одно и то же. Он — как карту ресурсов, она — как лабиринт

жизней. Он привык отдавать приказы, она — говорить правду. И в этой разнице рождалась странная, почти болезненная притягательность.

— Меня зовут Оптима, — сказал он вдруг, хотя обычно представлялся только тогда, когда это было нужно для сделки.

Наталия чуть приподняла бровь, будто взвешивая, стоит ли принимать это имя всерьёз.

— Наталия Новикова. Учительница, которая слишком много говорит.

— Нет, — возразил он, прежде чем успел себя остановить. — Просто единственная, кто говорит то, что имеет значение.

На её губах мелькнула лёгкая улыбка — не торжествующая, а скорее удивлённая, будто она не привыкла слышать такие слова. И в этот момент, среди мокрого бетона, запаха мела и далёкого грохота города, что-то сдвинулось. Не империя, не кварталы, не судьбы тысяч — а что-то маленькое, личное, хрупкое. Что-то, что могло стать началом.

Ливень постепенно стихал, оставляя после себя влажный блеск на старых стенах и ощущение, что границы, которые казались нерушимыми, сегодня размылись. И когда первые лучи позднего дня пробрались сквозь щели окон, осветив пылинки, кружившиеся в воздухе, Оптима понял: он не просто укрылся от дождя. Он нашёл место, где можно было снова услышать собственное сердце — и оно стучало в такт с чем-то новым, тревожным и невероятно живым.

Глава 2. «Урок, который нельзя отменить»

Утро в секторе было серым, как всегда — будто город экономил краски, оставляя их для центральных районов, где небо ещё помнило цвет. Но здесь, на окраине, даже серость умела быть разной: она ложилась на ржавые перила тонкими слоями, цеплялась за углы зданий, смешивалась с пеплом, который ветер носил от старых заводов, и оседала на подоконниках мелкой пылью.

Оптима стоял у входа в школу, не решаясь толкнуть дверь. Формально у него был повод: он принёс коробку с сухими перчатками, термокружку и небольшой обогреватель — скромный, но практичный набор, который должен был выглядеть как благодарность. На деле же он знал, что пришёл не за этим. Ему нужно было снова услышать её голос, увидеть, как загораются глаза детей, когда Наталия говорит о вещах, которые в империи принято считать роскошью — о надежде, о праве на выбор, о том, что будущее не обязано повторять прошлое.

Он вошёл тихо, стараясь не привлекать внимания, и остановился у приоткрытой двери класса. Урок уже шёл. Наталия стояла не у доски, а посреди комнаты, чуть наклонившись вперёд, будто пыталась дотянуться до каждого ребёнка отдельно.

— Представьте, что этот город — не клетка, а лабиринт, — говорила она, и её голос звучал не как лекция, а как приглашение к приключению. — И в нём есть сотни выходов, о которых никто не знает. Кто-то нашёл один, кто-то — другой. А кто-то ещё только ищет. И самое главное — никто не имеет права сказать вам: «Ты не можешь искать».

Дети слушали, затаив дыхание. Даже самые упрямые, те, кто обычно смотрел в окно, будто пытаясь сбежать взглядом, сейчас сидели прямо, вцепившись пальцами в края парт. Для них её слова были не абстракцией — они были картой, на которой ещё можно было найти место, где ты имеешь значение.

Оптима наблюдал, как она двигается по классу — не как человек, привыкший к власти, а как проводник, который знает, что если слишком сильно давить, люди перестанут слышать. Она подходила к каждому, задавала короткие вопросы, возвращала уверенность тем, кто её терял. И в каждом её жесте чувствовалась ответственность — не та, что приходит с титулами и печатями, а та, что рождается из понимания: если ты зажёг искру, ты обязан следить, чтобы она не погасла.

Именно это и пугало Оптиму. В его мире власть была рычагом: ты нажимаешь — и города меняют маршруты, фабрики ускоряют производство, а люди подстраиваются под новые пра-

вила. Здесь же власть выглядела как хрупкая нить, которую легко порвать неосторожным словом. И впервые он увидел, как эта нить держит вместе целый мир — пусть маленький, но настоящий.

Дверь скрипнула, и Наталия обернулась. На её лице мелькнуло удивление, но не испуг.

— А, это вы, — сказала она, будто его появление было самым естественным событием дня. — Пришли проверить, не утонула ли школа окончательно?

В её голосе была лёгкая ирония, но без яда — скорее, способ держать дистанцию, не теряя тепла. Оптима почувствовал, как напряжение, которое он носил с собой, как броню, чуть ослабло.

— Пришёл отдать долг, — он протянул коробку. — Перчатки, кружка, обогреватель. Чтобы в следующий ливень не приходилось сушить носки на батареях.

Наталия улыбнулась — не широко, а так, будто оценила жест, но не собиралась делать из него событие.

— Спасибо. Дети будут рады. Особенно перчатки. У нас тут зима начинается задолго до календаря.

Она поставила коробку на стол и на секунду замерла, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя.

— Вы могли бы просто прислать курьера, — сказала она тихо, чтобы не мешать уроку. — Зачем пришли сами?

Оптима хотел ответить что-то простое, что-то, что не выдало бы его настоящих мотивов. Но слова, привычные и гладкие, как отполированные камни, не подходили к этому месту.

— Хотел посмотреть, как выглядит мир, где приказы не работают, — признался он, удивив самого себя.

Наталия приподняла бровь.

— Здесь они и не нужны. Здесь работает другое: внимание. Если ты видишь человека, он перестаёт быть винтиком.

Её слова ударили точно в цель. Оптима знал, что она права. В его окружении люди старались стать незаметными, чтобы не попасть под холодный взгляд власти. Здесь же невидимость была самым страшным наказанием.

Урок продолжался. Наталия вернулась к детям, но теперь в её движениях появилась едва уловимая настороженность — она чувствовала его присутствие, как чувствуют взгляд в спину. И это делало её ещё живее, ещё ярче. Она рассказывала историю — не из учебника, а свою, выстраданную, о старом инженере, который построил мост там, где все говорили, что строить нельзя. И дети верили, потому что в её голосе звучала правда.

Оптима слушал и ловил себя на мысли, что впервые за долгое время не думает о контрактах, о балансах, о том, сколько жизней стоит на кону в очередном решении. Он думал о мосте, о человеке, который рискнул вопреки всему, и о женщине, которая учила детей, что риск — это не глупость, а смелость.

Когда урок закончился, дети выбежали в коридор, оставив после себя запах мела, старых учебников и чего-то неуловимо свежего — как будто в классе ненадолго поселилась надежда. Наталия осталась собирать тетради, аккуратно складывая их в стопку, будто каждое слово, написанное на этих страницах, имело значение.

Оптима подошёл к столу.

— Ваши методы не нравятся администрации, — заметил он, кивнув на стопку бумаг, среди которых мелькнуло уведомление с официальной печатью.

Наталия пожала плечами.

— Администрация любит, когда дети молчат. Я люблю, когда они думают. Рано или поздно эти дороги расходятся.

В её словах не было вызова — только констатация факта, к которому она давно привыкла. И это восхищало и пугало одновременно. Она не пыталась бороться с системой — она строила рядом с ней свой маленький мир, где правила были другими.

— Я могу помочь, — сказал Оптима, и сам удивился, насколько искренне это прозвучало. — Не деньгами и не связями, а... защитой. Чтобы вас не заставляли молчать.

Наталия посмотрела на него внимательно, будто пыталась разглядеть за словами настоящие мотивы.

— А что вы хотите взамен?

Он замер. В его мире за всё платили: за лояльность, за молчание, за помощь. Но здесь вопрос прозвучал не как подозрение, а как необходимость понять, не сломает ли её эта помощь.

— Ничего, — ответил он честно. — Просто... чтобы этот мир остался.

На её губах мелькнула лёгкая улыбка.

— Тогда давайте начнём с малого. Поможете мне перенести коробки в кладовку? Они тяжёлые, а завхоз опять где-то пропадает.

Они работали молча, перетаскивая коробки, и в этом молчании было что-то правильное — не пустота, а пространство, где можно было дышать. Иногда их руки случайно соприкасались, и от этих коротких касаний по коже пробегал лёгкий ток — не от электричества, а от близости, которую оба пока не решались назвать вслух.

— Знаете, — сказала Наталия, когда последняя коробка встала на место, — вы не похожи на человека, который таскает коробки.

Оптима усмехнулся.

— А на кого я похож?

— На того, кто привык, что за него всё делают другие. Но сегодня вы сами решили, что это важно.

Он задумался над её словами. В них не было упрёка — только наблюдение, точное и безжалостное. И впервые ему не хотелось спрятаться за титулами.

— Иногда важно сделать что-то своими руками, — произнёс он тихо. — Чтобы помнить, что ты всё ещё можешь.

За окном город продолжал жить своей жизнью: гудели трубы, мерцали огни, где-то вдалеке слышался грохот стройки — вечный ритм мегаполиса, который не останавливался ни на секунду. Но здесь, в старой школе, время текло иначе. Оно позволяло себе паузы, в которых можно было услышать друг друга.

Они стояли друг напротив друга, и между ними снова искрило напряжение — но теперь оно было другим. Не от страха, не от недоверия, а от того, как близко они подошли к чему-то новому. Флирт прятался за иронией, за короткими взглядами, за едва заметными улыбками, которые появлялись и исчезали, как вспышки света в тёмном коридоре.

— Если вы ещё раз решите «отблагодарить» меня, — сказала Наталия, слегка наклонив голову, — принесите лучше не обогреватель, а что-нибудь, что можно прочитать детям. Историю, где герой не сдаётся, даже когда весь мир против него.

Оптима кивнул, чувствуя, как внутри что-то сдвигается.

— Я найду такую историю. Или напишу её сам.

Она улыбнулась — на этот раз чуть шире, будто позволила себе поверить, что в мире, где стальные каркасы давили на плечи, ещё оставалось место для слов, которые могли удержать от падения.

И когда он вышел на улицу, оставив за спиной запах мела и тихий смех детей, город уже не казался таким холодным. В нём появилась точка, к которой хотелось возвращаться. Точка, где власть измерялась не масштабом разрушений, а способностью зажечь искру — и не дать ей погаснуть.

Глава 3. «Тень над окраиной»

Тень легла на сектор задолго до того, как её заметили. Она не падала от башен — те стояли как всегда, громоздкие и равнодушные. Она стелилась по переулкам вместе с пеплом, оседала на подоконниках, въедалась в стыки плит и делала воздух гуще, будто город сам начал шептать: «Здесь что-то не так».

Оптимист чувствовал эту тень кожей. Его кортеж двигался по улицам, и люди отворачивались раньше, чем успевали понять, что видят. Не из страха перед ним — из страха перед тем, что его присутствие означало: за ним шли другие. Те, чьи имена не произносили вслух, а если и произносили, то шёпотом, оглядываясь через плечо. Клань наблюдали. Для них его интерес к окраине был либо слабостью — значит, можно давить, — либо угрозой — значит, надо сломать раньше, чем он поймёт, что стал опасен.

В приёмной его ждал советник — человек с лицом, которое никогда не выражало ничего, кроме умеренной усталости.

— За вами следят, — сказал он, не поднимая глаз от планшета. — Не наши. И не просто наблюдатели. Это «чёрные маршруты»: те, кто не оставляет следов в системе.

Оптимист усмехнулся, но в груди что-то сжалось.

— Я знаю.

Советник наконец посмотрел на него. В его взгляде читалось то, чего Оптимист боялся больше всего, — недоумение.

— Тогда зачем вы снова идёте туда? В этот сектор. В эту школу. Это не расчёт. Это... личное.

Слово повисло в воздухе, тяжёлое и неуместное в мире контрактов и балансов.

— Именно поэтому я туда иду, — ответил Оптимист, и в его голосе прозвучала сталь, которую не стоило испытывать. — Потому что личное — это то, что нельзя просчитать. А значит, они не смогут этим управлять.

Наталия почувствовала тень иначе. Не как угрозу, а как холод, который пробирался под свитер и заставлял вздрагивать без причины. Утром, перед уроками, она нашла на своём столе конверт. Плотная бумага, без марки, без адреса. Внутри — одна строчка, выведена чёрной пастой, будто кто-то писал в спешке, но старался, чтобы буквы были ровными:

«Не связывайся с теми, кто ломает города».

Она держала листок, чувствуя, как пальцы становятся ледяными. «Ломает города» — фраза звучала как из старого фильма, из тех, что крутили по пиратским каналам, где герои спасали миры одним взглядом. Но здесь, среди облупившейся краски и запаха мела, она звучала слишком реально.

Дверь приоткрылась, и в класс заглянул завхоз.

— Опять что-то подбросили? — спросил он, кивая на конверт. — Тут у нас любят пугать. То анонимки, то «предупреждения». Говорят, это чтобы учителя не высывались.

Наталия спрятала листок в карман.

— Спасибо. Я разберусь.

Но разбираться было не с чем. Она не знала, кто написал, не знала, о ком речь. Знала только, что в этой фразе было что-то, что касалось Оптимиста. Его имя не было названо, но тень, которая легла на сектор, имела его очертания.

Они встретились у старой водонапорной башни — месте, которое Наталия любила за то, что оттуда было видно небо. Не всё, конечно. Только полоску между двумя гигантскими

уровнями, узкую, как лезвие ножа. Но даже этого хватало, чтобы помнить, что мир не заканчивается стенами.

Оптимист пришёл первым. Он стоял, опершись на ржавые перила, и смотрел на эту полоску неба так, будто пытался прочесть в ней будущее. Когда Наталия подошла, он не обернулся сразу — будто боялся спугнуть момент.

— Ты знаешь, что за тобой следят? — спросила она прямо, без предисловий.

Он кивнул, не глядя на неё.

— Да. И за тобой теперь тоже.

Её сердце пропустило удар, но она не позволила себе отступить.

— Почему?

Оптимист наконец повернулся. В его глазах была усталость — не физическая, а та, что приходит, когда ты понимаешь, что твои решения ломают не только города, но и жизни.

— Потому что я здесь. Потому что я прихожу к тебе. Для них это сигнал: у меня есть слабое место. А слабое место — это рычаг.

Наталия сжала кулаки, чувствуя, как гнев смешивается со страхом.

— Значит, ты должен перестать приходить.

Он резко шагнул вперёд, но остановился, не дойдя до неё пары шагов, будто боялся, что одно прикосновение сломает хрупкое равновесие.

— Нет. Я не перестану. Но я могу защитить тебя. Перевезти в центральный сектор, дать охрану, сделать так, чтобы никто не смог к тебе подойти.

Она покачала головой, и в этом движении было столько упрямства, что он почти почувствовал, как дрожат стены.

— Нет. Ты хочешь спрятать меня, как секретный документ. Как что-то, что нужно уберечь от чужих глаз. Но я не вещь. Я — учительница. Мои дети ждут меня. Моя школа — это не руины, это мой дом.

— Это не дом, — прошептал он, и голос его дрогнул. — Это мишень.

— А если я уйду, если стану «под защитой», что останется? Что я буду защищать? Себя? Или право говорить, что небо есть, даже если его не видно?

Они стояли друг напротив друга, и между ними не было ни флирта, ни намёков, ни осторожных улыбок. Только голая правда, острая, как лезвие. И в этой правде было признание: он боялся её потерять, а она боялась потерять себя.

Оптимист сделал ещё один шаг — теперь ближе. Не вплотную, но достаточно, чтобы она почувствовала тепло его тела, чтобы поняла: он здесь не как наследник империи, а как человек, который стоит на краю пропасти и боится сделать шаг, потому что не знает, выдержит ли пол.

— Я не прошу тебя отказаться от себя, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Я прошу тебя позволить мне быть рядом, когда пол начнёт рушиться.

Наталия смотрела на него, пытаясь разглядеть за сталью и властью того человека, который таскал коробки и слушал её уроки. И видела. Видела, как тяжело ему даётся каждое слово. Как страшно ему признать, что он не может контролировать всё.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Ты можешь быть рядом. Но не как щит, который закрывает меня от мира. А как тот, кто помогает мне стоять прямо, когда мир пытается согнуть.

Он улыбнулся — не широко, а так, будто эта улыбка была слишком ценной, чтобы тратить её на что-то меньшее, чем настоящее понимание.

— Договорились.

Ветер поднялся, срывая с крыш остатки тишины. Где-то внизу загудели сирены — не тревожные, а обычные, будничные. Но сегодня они звучали иначе, как предвестники бури. Город готовился к чему-то большому, и тень над окраиной становилась всё плотнее.

Они пошли обратно, не держась за руки, но и не отстраняясь. Между ними витало напряжение — не враждебное, а живое, пульсирующее, как оголённый провод. Иногда их взгляды

встречались, и в этих коротких вспышках проскальзывал флирт — не игривый, а серьёзный, как обещание: «Я здесь. Я не уйду».

У школы Наталия остановилась.

— Сегодня у меня урок. И я его проведу. Пусть кто-то там думает, что может меня напугать. Пусть знает, что я не боюсь.

Оптимист кивнул, понимая, что спорить бесполезно. Вместо этого он сказал:

— Тогда я посижу в коридоре. Как в тот раз. Просто чтобы знать, что ты в порядке.

Она приподняла бровь, но в её глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение.

— Ладно. Но если дети начнут задавать вопросы, отвечай сам.

И она вошла внутрь, оставив его стоять у двери, как стража, который охраняет не стены, а право на тихий голос среди грохота города.

А тень над окраиной всё росла, накрывая крыши, дворы, старые лестницы, и шептала: «Это только начало». Но сегодня, в этот короткий миг, у неё не было власти над двумя людьми, которые решили, что их мир — это не то, что можно сломать одним предупреждением.

Глава 4. «Башня, которая помнит голоса»

Утро выдалось на редкость тихим — настолько, что в секторе, где гул города обычно въедался в кости, можно было услышать, как ветер перебирает обрывки старых объявлений на стенах. Наталия шла рядом с Оптимой, не торопясь, будто хотела, чтобы он успел увидеть всё именно так, как видят те, кто здесь живёт: не как карту ресурсов, а как лабиринт жизней, где каждый поворот хранит чью-то историю.

— Здесь, — она остановилась у ржавой лестницы, уходящей вверх по стене заброшенного модуля, — дети устраивают «тайные штабы». Они думают, что взрослые не замечают. Но я замечая. И не мешаю.

Оптимист посмотрел вверх, туда, где металлические ступени терялись в полумраке. В его мире такие конструкции либо сносили, либо укрепляли до состояния неприступной крепости. Здесь же их оставляли жить, позволяя им стареть и обрастать чужими историями.

Он шагнул на первую ступеньку, проверяя её ногой. Лестница скрипнула, но выдержала.

— Ты уверена, что это безопасно?

Наталия усмехнулась, и в этой усмешке мелькнул тот самый флирт — лёгкий, дерзкий, прячущийся за обыденностью.

— Если бы безопасность была главным критерием, я бы не работала в этой школе.

Они поднимались медленно, ступень за ступенью, и с каждым пролётом город открывался по-новому. Старые граффити, выцветшие от времени, складывались в узоры, которые казались Оптиме почти ритуальными. На площадках между уровнями лежали забытые вещи: потрёпанный рюкзак, детская игрушка, обрывок ткани — как следы людей, которые когда-то спешили по этим ступеням, не зная, что оставляют после себя маленькие памятники своей спешки.

На одном из пролётов Наталия остановилась и провела пальцем по стене, где чёрной краской было выведено: «Мы были здесь».

— Знаешь, что самое важное в этих надписях? — спросила она, не глядя на него. — Они не пытаются что-то доказать. Они просто говорят: «Я был. Я существую». Для многих этого уже достаточно.

Оптимист замер, вглядываясь в эти слова. В его окружении люди старались не оставлять следов, если только эти следы не вели к прибыли. А здесь каждый штрих был вызовом серости, маленьким бунтом против того, чтобы тебя забыли.

Дальше лестница стала круче, а воздух — гуще. Ветер, пробиравшийся сквозь щели, нёс с собой запах озона и далёкого дождя. Наконец они вышли на аварийную смотровую площадку — узкую, огороженную проржавевшими перилами, которые держались скорее на упрямстве,

чем на сварке. Отсюда сектор раскрывался во всю свою мрачную красоту: бесконечные уровни, нагромождённые друг на друга, как слои усталости; узкие дворики, где дети играли среди теней гигантских конструкций; тонкие нити пешеходных мостов, соединявших миры, которые редко пересекались.

И над всем этим висело небо — узкая полоса, которую город будто неохотно отдавал тем, кто осмеливался поднять голову.

Наталия подошла к перилам и глубоко вдохнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.